

О. Рубинчик
Санкт-Петербург

«Местная жизнь»: Иннокентий Анненский и царскосельская пресса¹

В 1906 году, в период революционных перемен, в Царском Селе стали издаваться местные, городские газеты.

2 января начал выходить «Листок Царскосельского комитета Красного Креста», монархическое издание черносотенного характера, полное сообщений о беспорядках в стране и почти не включавшее собственно царскосельскую информацию. Вскоре «Листок» был переименован в «Царскосельскую газету», а затем закрылся, последний номер вышел 28 января 1907 года.

С 19 февраля 1906 года по 1907 год издавался кадетский «Царскосельский предвыборный листок». Параллельно с 22 апреля по 28 июля 1906 года та же команда выпускала газету «Царскосельская речь», она была приостановлена цензурой за оппозиционность и с 18 августа по 13 октября 1906 года выходила уже под другим названием – «Царскосельская жизнь». Пришедшая ей на смену в 1907 году газета «Пригородная жизнь» прекратила существование после первого же номера.

Долговременно – с 16 сентября 1906 по 24 февраля 1917 – в городке издавалась только еженедельная газета «Царскосельское дело», умеренная – октябристской, конституционной направленности. В газете публиковались как сведения о событиях в стране, так и самые разнообразные материалы о жизни Царского Села и его окрестностей.² В «Царскосельском деле», а также в «Царскосельской речи» был большой раздел, называвшийся «Местная жизнь». Публикации, которые цитируются в данной статье,³ все помещены именно в этом разделе.

Газеты как источник актуальной информации привлекали внимание Анненского. В 1904 году в связи с русско-японской войной он писал чете Мухиных: «Никогда не читал так много газет...».⁴ Неизвестно, регулярно ли просматривал Анненский царскосельские газеты или заглядывал в них лишь тогда, когда они упоминали

о нем или о чем-то для него важном. Предполагаю, что столичная пресса интересовала его больше. Но в любом случае царскосельские газеты представляют интерес для исследователей, и некоторые их материалы, непосредственно связанные с Анненским, уже цитировались или целиком приводились в работах о нем. Однако интересны не только такие публикации. Царскосельская пресса, прежде всего газета «Царскосельское дело», – отражение ближайшей реальности, которая окружала Анненского, эта реальность – то контрастный фон, то часть его жизни.

Приведу примеры сопоставления по контрасту. Царское Село для Анненского было местом живого пушкинского присутствия. В дни празднования юбилея А. С. Пушкина, 27 мая 1899 года (по ст. ст.) он произнес речь в Китайском театре: «...Здесь Пушкин провел 6 с половиной лет, в этих садах зацвечал его дивный талант, наконец, здесь поэт два раза жил иллюзиями счастья: сначала в кругу лицейских друзей, а потом в медовый месяц...».⁵ На памятнике Пушкину-лицеисту выбиты строки, избранные Анненским. В 1965 году Ахматова вспоминала в застольной беседе⁶ день открытия памятника (15 октября 1900 года по ст. ст.): «Я видела сына <Пушкина>, когда открывали памятник в Царском. Приехали лицеисты, привезли массу цветов, Анненский читал речь, а гимназистов и гимназисток привели тоже <...> И приехал сын... старенький генерал <...> Александр Александрович, Саша, так называемый “рыжий Сашка”. Очень некрасивый, такие отставные погоны, седой <...> немножко было видно, так, что бывший рыжий».⁷ А в газете «Царскосельское дело» за 1906–1907 годы в разделе «Местная жизнь» как будто пародируется святое: «В ночь на 16-е ноября в мясном ряду гостиного двора в лавках под №№ 3, 6, 7, 8 и 9 неизвестно кем совершены кражи денег <...> Потерпевший Яшумов заявил подозрение в краже на бывшего у него в услужении крест<ьянина> Ярославской губ<ернии> А. Я. Пушкина, который задержан, но денег у него не оказалось» (1906. 24 ноября. № 11. С. 4); «19 сентября украли велосипед у А. И. Пушкина, живущего в собственном доме по Торговому переулку» (1907. 28 сентября № 29. С. 2).

С начала 1906 по начало осени 1908 семья Анненских жила в доме Эбермана во Фриденвальской колонии – поселении потомков немецких колонистов, у пруда, получившего название

Колонистский. Колония занимала часть территории Отдельного парка. Фриденталь в переводе с немецкого означает «мирная долина». Большой деревянный особняк, который снимали Анненские на территории лечебницы, сад, его окружавший, оранжереи – все это, казалось бы, соответствовало названию Фриденталь. Сад Эбермана не раз был предметом чуткого внимания в письмах поэта. Так, 25 июня 1906 года он писал А. В. Бородиной: «Сейчас я из сада. Как хороши эти большие гофрированные листья среди бритой лужайки, и еще эти пятна вдали, то оранжевые, то ярко-красные, то белые... <...> Я видел днем розу, уже полную тяжелых слез, но еще махровую и обещающую... Но едва я коснулся до ее ветки, как вместе со слезами посыпались и лепестки... Так и с моей невысказанной поэзией, с моими все еще золотыми снами...».⁸ А вот что сообщали об этих местах в газетах: «5 июня в ЦС четыре солдата 198 Александра-Невского полка повздорили между собою из-за политических убеждений и затеяли на улице драку. Ссора началась у Фридентальской колонии и продолжалась вплоть до Кузьминских ворот, где дело дошло до драки штыками. Были вызваны городовые, а затем на подмогу им пожарные служители на пожарной линейке, на которой солдаты и были доставлены в полицию. При задержании солдаты нанесли камнями удары двум городовым» (Царскосельская речь. 1906. 9 июня. № 8. С. 4); «21 июня в Фридентальской колонии, собака (пойнтер), принадлежащая домовладельцу г. Кремеру, очевидно, взбесившись и сорвавшись с цепи, искусала двух собак (фокстерьер), принадлежащих тому же г. Кремеру, а также и еще несколько других собак. Затем, набросившись на девочку 4-х лет, дочь г. Крейзера,⁹ искусала и ее. Укушенные собаки отправлены на скотобойню для освидетельствования, а к задержанию пойнтера г. Кремера приняты меры»; «22 июня на даче Эбермана по Московскому шоссе у доктора медицины Гизе совершена кража, причем украдено: много белья, плед, шерстяной платок, кожаный мешочек с 5 руб., всего на сумму 70 руб. Вор, очевидно, и в этом случае проник через открытое окно» (Царскосельское дело. 1907. 20 июня № 16. С. 3); «В Колонии. Нам сообщают, что дачники Фридентальской колонии принуждены нюхать ужасное зловоние. Дело в том, что выливают из помойных ям прямо на улицу грязную вонючую воду по ночам. Удивляемся, как до сих пор об этом никто не заявлял, и что смотрит наша санитарная

комиссия?» (Царскосельское дело. 1908. 12 сентября. № 25. С. 2). Последнее сообщение особенно хорошо в непосредственном соседстве с целым рядом публикаций о холере и о борьбе с ней силами жителей Царского Села (первые больные и умершие, крестный ход об избавлении города от угрожающей ему эпидемии, лекции о холере, противохолерные бесплатные прививки, бесплатное лечение в Дворцовом госпитале, список царскосельских врачей с указанием адресов, дезинфекционные средства, открытие благотворительной чайной для малоимущих). Вообще за время существования газеты «Царскосельское дело» холера не раз появлялась поблизости и в самом Царском Селе, с ней велась серьезная и успешная борьба.

Хотя все это безобразие кажется бесконечно далеким от Анненского, оно так или иначе входило в его жизнь и в его стихи, в которых есть полюс прекрасного и полюс безобразного. Мимоходом оброненное в письме от 1 сентября 1907 года после описания вечернего сада и неба: «Сейчас иду в сад. Там собаки бегают, а цветы темны, сухи...»,¹⁰ – вероятно, содержит воспоминание об июньской «собачьей» истории, да и предчувствие того, что еще предстоит: «Бешеная собака. 24 декабря в 11 часу утра дворник дома Эberman по Московскому шоссе Григорий Васильев убил принадлежавшую ему собаку, по подозрению в бешенстве. Ветеринарным врачом Топчиевым собака признана действительно бешеной. Сведений о покусанных людях пока не имеется, но есть сведения о покусанных собаках. Меры к выяснению всех укушенных приняты» (Царскосельское дело. 1908. 4 января. № 43. С. 2).

В газетных публикациях встречаются также значимые для Анненского факты, отражавшие не изнанку, а, скорее, лицо жизни. В «Царскосельском деле» за 13 апреля 1907 года (№ 5. С. 3) есть заметка характерного критического содержания: «По-видимому, Царское Село, по примеру других культурных городов, имеет электрическое освещение, и улицы его украшены электрическими фонарями. Но, к сожалению, это освещение до известной степени проблематично, так как расстояние между фонарями столь велико, и они так далеко отстоят друг от друга, что царскосельские обыватели, пожалуй, больше бы выиграли, если бы электрического освещения совсем не было, а по старине горели бы керосиновые фонари, поставленные вблизи друг от друга. Теперь же посредине между

фонарями так темно, что положительно ничего не видно, и можно с успехом попасть в лужу, что при неудовлетворительном состоянии наших тротуаров постоянно грозит царскосельскому обывателю вечером». Царское Село, более благоустроенное, чем любой другой российский провинциальный город, поскольку оно являлось резиденцией царского двора, в газете часто подвергалось критике за какие-то бытовые неудобства и за недостаточную развитость того, что сегодня мы назвали бы социальными институтами. Но неведомый автор заметки о фонарях, конечно, понимал, что электрическое освещение было в то время редкой привилегией. И, наверно, знал, что в 1887 году в Царском Селе была построена первая в России электростанция постоянного тока и что вообще это был первый в Европе город, полностью освещенный электричеством. Электрические фонари, так же как и первая в России железная дорога, открытая в 1837 году для удобства сообщения между Царскосельским вокзалом Петербурга, Царским Селом и Павловском, были в свое время крупными техническими новинками. Ощущение их новизны и значимости не стерлось даже к началу XX века.¹¹ Так было и для Анненского. 8 января 1908 года он пишет Н. П. Бегичевой: «Как у меня тихо, и в окна смотрит снежный сад, а вдали обещанием, которое дано другому, горит электрическая дуга – такая яркая, а здесь только мерцающая, почти томная».¹² И электрические фонари, и реалии железной дороги входят в стихи Анненского, причем фонари обычно – как явление глубоко поэтическое.¹³ В стихотворении «Мир» (1907, другое название – «Рабочая корзинка») –

Чтобы ночь позабылась скорей
Между редких своих фонарей...

В другом стихотворении (не датированном и не вошедшем в сборники) фонари – сквозной образ:

Если больше не плачешь, то слезы сотри:
Зажигаясь, бегут по столбам фонари,
    Стали дымы в огнях веселее
    И следы золотыми в аллее...
Только веток еще безнадежнее сеть,
Только небу, чернея, над ними висеть...

Если можешь не плакать, то слезы сотри:
Забелелись далеко во мгле фонари.
    На лице твоём, ласково-зыбкий,
    Белый луч притворился улыбкой...
Лишь теней всё темнее за ним череда,
Только сердцу от дум не уйти никуда.

Стихотворение «Электрический свет в аллее» («Тихие песни») обращено непосредственно к свету, мистически живому:

О, не зови меня, не мучь!
Скользя бесцельно, утомленно,
Зачем у ночи вырвал луч,
Засыпав блеском ветку клена?

Ее пьянит зеленый чад,
И дум ей жаль разоблаченных,
И слезы осени дрожат
В ее листьях раззолоченных, –

А свод так сладостно дремуч,
Так миротворно слиты звенья...
И сна, и мрака, и забвенья...
О, не зови меня, не мучь!

В черновом автографе стихотворения электрический свет назван «звездой аллеи»¹⁴ и мольба обращена не к нему, а к дальней возлюбленной. Эта редакция позволяет ассоциировать луч фонаря с острым воспоминанием об утрате¹⁵ или даже с самой утраченной – с ее протянутыми руками.

В трех приведенных стихах фонари – те самые, царскосельские, между которыми, как с укором сказано в заметке, расстояние «столь велико». Именно это расстояние создает контраст «сладостно дремучего» свода и световых эффектов: золотых следов в аллее, засыпанной блеском ветки клена.

В царскосельской прессе часто сообщалось о происшествиях, связанных с железной дорогой, поездами, вокзалами, которые были неотъемлемой частью повседневной жизни Анненского.¹⁶ В стихах железная дорога может представлять у него в своей монструозной

мощи: поезд – «пышущий дракон», вагоны – «тяжкие гробы» («Зимний поезд» из «Трилистника вагонного»), может – в виде грезы: «Лунная ночь на исходе зимы» («Мы на полустанке» из «Трилистника лунного»), но, кажется, всегда с ней связан мотив тоски. Если в «Тоске вокзала» (из того же трилистника) поэт говорил о желании «Уничтожиться, канув / В этот омут безликий, / Прямо в одурь диванов, / В полосатые тики!..», то газеты писали о тоске, приводившей к самоубийствам: «Убитая поездом близ вокзала. 12-го января в 7 час. утра жандармским унтер-офицером Бородиным доставлен с вокзала в анатомический покой Дворцового госпиталя труп неизвестной женщины, поднятый после прохода поезда на Петербург в конце платформы станции, с отрезанною головою. Убитая оказалась дочерью личного почетного гражданина О. Н. Сокольскою, 17-ти лет от роду, проживающей по Новодеревенской улице в доме Скакового общества у г-жи Левицкой в качестве прислуги» (Царскосельское дело. 1909. 16 января. № 3. С. 2).

Есть довольно близкие переключки между стихотворными строками и газетными сообщениями:

Полумертвые мухи
На забитом киоске,
На пролитой извеске
Слепы, жадны и глухи.
(«Тоска вокзала»)

Ср.: «Прелести железнодорожного буфета. На днях делопроизводитель I участка службы движения Моск<овско>-Винд<аво> Рыб<инской> ж<елезной> д<ороги> г-н Руд-Кухар в Петербургском вокзальном буфете III класса <...> заказал себе порцию говяжьих битков. Через 10 минут биток был подан, но не успел г. Руд-Кухар съесть и половины битка, как заметил в нем массу запеченных мух. Остатки битка вместе с мухами были отправлены в жандармское отделение, где был составлен по этому делу протокол» (Царскосельское дело. 1908. 19 сентября. № 26. С. 3).

22 августа 1908 года «Царскосельское дело» (№ 22. С. 2) в заметке «На вокзале» сообщало: «Царскосельский вокзал стал излюбленным местом прогулки такой публики, которая невольно

бросается в глаза своим поведением. По вечерам, в особенности по праздничным, на платформе вокзала разгуливает толпа из девиц, работающих на огородах, и парней в шапках набекрень, среди которых встречаются и витебские в своих характерных из серого сукна казакинах и в вымазанных дегтем остахах.¹⁷ При этом вся эта толпа чувствует себя на платформе вокзала, словно на Сенной площади. Парни демонически поглядывают на девиц и знакомых из них подталкивают, а последние, в свою очередь, ухмыляясь, повизгивают. Нередко слышны и словеса истинно русского калибра, исходящие из уст вместе с запахом сивухи, которая, впрочем, в изобилии ежедневно с утра до глубокой ночи доступна в помещении 3-го класса. Не мешало бы кому следует озаботиться восстановлением порядка и приличия на вокзале». Эта колоритная и грубая жизнь, столь далекая от Анненского, от «Струи резеды в темном вагоне», одновременно близка ему («Песни с декорацией», «Ванька-ключник в тюрьме»). В конце концов, на ступенях именно Царскосельского вокзала, по-декадентски пышно украшенного, но при этом с «полумертвыми мухами» и «такой публикой», он через год с небольшим умрет.

Простодушным газетным языком в прессе повествовалось о трагедиях, к которым так чутка была муза Анненского. Строки стихотворения «Сентябрь» из сборника 1904 года «Тихие песни»:

И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...

становятся понятны, когда читаешь в «Царскосельском деле»: «27 сентября из Колонистского пруда вытасчен труп неизвестного. На вид покойному около 40 лет. Он с русыми волосами, одет в ватное пальто с барашковым воротником и в брюки, забранные в высокие сапоги. При покойном найден носовой платок и 8 коп. Знаков насилия на трупе не найдено. Для выяснения личности утонувшего производится дознание» (1906. 29 сентября. № 3. С. 4); «9 мая сторожем Отдельного парка Соловьевым заявлено полиции, что в Малом пруде близ Колонистского пруда усмотрен шагах в 3-х от берега, на глубине 2 аршин утонувший человек. По прибытии пристава Сахарова с доктором Янковичем труп был извлечен из воды. Утонувший

с черными волосами на голове и едва заметной проседью, с черными усами и бородой; одет в красную рубашку, черные рваные брюки и пиджак, на голове суконная фуражка, на ногах опорки. Знаков насильственной смерти не обнаружено. Труп отправлен в анатомический покой дворцового госпиталя» (1907. 25 мая № 11. С. 4).

Стихи были написаны раньше, чем произошли эти случаи (скорее всего, самоубийства), но подобные истории происходили в Царском Селе нередко. Если Анненский сам и не был им свидетелем, то слышал или читал о них.

В газете «Царкосельское дело» за 31 августа 1907 года (№ 25. С. 3) сообщалось сразу о двух однотипных трагедиях: «Самоубийство. 27 августа в 11 ч. утра сторожем Царкосельского парка Николаем Алексеевым, при обходе парка, обнаружен близ крайней дороги, в глубине парка <...> повесившийся крестьянин> Петр Уголков, служивший лакеем в дер. Александровке на даче Леммергирдт»; «Самоубийство. 22 августа в парке, близ ст. Александровской, сторожами усмотрен повесившийся на дереве мальчик. Установлено, что покойный служил у одного из дачевладельцев в Александровке. 21 августа вечером он скрылся из дому после заявленного против него подозрения в краже 1 р. 50 к., пропавших у его хозяина». Ср. строки в стихотворении Анненского «Осень», написанном, скорее всего, в 1907–1908 годах («Кипарисовый ларец»):

И всю ночь кто-то жалостно-чуткий
На скамье там дремал, уходя в котелок.
.....
А к рассвету в молочном тумане повис
На березе искривленно-жуткий
И мучительно-черный стручок,
Чуть пониже растрепанных гнезд,
А длиной – в человеческий рост...

Приводимая параллель неточна, образ, созданный Анненским, – скорее предчувствие чаплинского Бродяги, чем крестьянин или мальчик-слуга из газеты, но и газетные сообщения, и стихи черпали материал из одного источника – из жизни Царского Села и его окрестностей.

В «Царскосельском деле» от 6 апреля 1907 года в обычной для этих лет сводке происшествий в стране за неделю сообщено: «Террористами и грабителями убито: граждан 60, полицейских и нижних чинов 14, нанесено ран 130, покушений без последствий 1; ограблено частных лиц 55, церковей 4, казенных лавок 2, правительственных учреждений 2, бомб брошено 4, бомб найдено 10. <...> К этому необходимо прибавить, как характерный признак нашего времени, большое число самоубийц» (№ 4. С. 1–2). В относительно спокойном, усиленно охраняемом Царском Селе и его окрестностях и ограбления, и акты терроризма, и убийства, и нападения на церкви тоже случались. А самоубийства – как среди простонародья, так и среди образованных классов, разными способами и по разным причинам – были весьма распространены.

Мне бы не хотелось создать ложное впечатление, что Царское Село времени Анненского было каким-то особенно мрачным русским городом. Напротив, это был удивительно благоустроенный, на редкость красивый город, с исторической и поэтической аурой:

Великолепье небылицы
Там нежно веет резедой.
(«Л. И. Микучич», 1906)

Значительная часть населения Царского Села принадлежала к высшим классам, в городе процветала культура, проходили вечера поэзии, спектакли и концерты, о которых регулярно писала местная пресса и некоторые из которых Анненский определенно посещал – хотя бы потому, что в любительских спектаклях иногда участвовал его сын,¹⁸ а в концертах или, по крайней мере, в одном концерте – Н. П. Бегичева. В «Царскосельском деле» за 23 ноября 1907 (№ 37. С. 4) в публикации под заголовком «Театр и музыка» некто Алеко¹⁹ сообщал: «19 ноября в зале ратуши состоялся 6-ой семейно-музыкальный “Понедельник”. Он вышел очень удачным и многолюдным. Программа была составлена разнообразно и со вкусом. Пение уступало место мелодекламации с фортепьяно, декламация сменялась скрипкой и виолончелью; мастерски сыграл хор балалаечников; были даже гитары. Как и всегда на этих вечерах, исполнителями являлись не исключительно местные любители.

Из приглашенных сил выступали <...> г-жа Бегичева и др. Певшая в первом и третьем отделениях г-жа Бегичева имела большой и вполне заслуженный успех. Это вполне законченная певица, и аудитория залы ратуши, видимо, быстро поддавалась обаянию ее красивого голоса. У г-жи Бегичевой чистое драматическое сопрано, но, благодаря серьезной школе, которую она, по-видимому, прошла, в исполненной ею меццо-сопрановой арии Далилы Сен-Санса она свободно развернула свой прекрасно разработанный средний регистр. Нельзя не отметить и тонкую художественную фразировку спетых г-жою Бегичевой романсов...».²⁰ Возможно, что тонкой фразировкой исполнение Бегичевой было обязано помощи Анненского: «Нина Петр<овна> очень любила проходить с ним отдельные романсы, для того чтобы отделать каждое слово», – вспоминала ее дочь.²¹ Возможно также, что недатированное стихотворение Анненского «После концерта» («Трилистник толпы»), открывающееся строкой «В аллею черные спустились небеса...», связано с отретензированным концертом 19 ноября 1907 года.²²

Богатая культурная жизнь была и в соседнем Павловске. Анненский бывал на концертах, проходивших на Павловском вокзале. В заметке Эмской²³ (Царскосельское дело. 1907. 3 августа. № 21. С. 2) сообщается об исполнении 27 июля Вагнера оркестром под руководством А. Б. Хессина: «Девятый симфонический вечер иностранных авторов был посвящен произведениям Рих. Вагнера (вступление и смерть Изольды из оперы) “Тристан и Изольда”, “Шелест леса” из музыкальной драмы “Зигфрид”, увертюра “Фауст” и похоронный марш на смерть Зигфрида из “Гибели богов”, бисированный по настоятельному требованию публики). Насколько в этот вечер г-н Хессин превзошел сам себя и обнаружил глубокое понимание серьезной музыки, настолько солистка концерта г-жа Александровская произвела удручающее впечатление: у нее от природы хороший голос, но поставлен безобразно; где это видано, чтобы драматическое сопрано давилось на *la bemol*? Ария Елизаветы из оперы “Тангезер” прошла как-то фальшиво, а в “Грезях”, небольшом романсе Вагнера, мечталось о хорошей дикции и гораздо лучшем исполнении...». Анненский же рассказывал 28 июля 1907 года А. В. Бородиной: «Вчера вспоминал о Вас в Павл<овске>. Хессин превосходно (да, превосходно) исполнил похоронный марш Зигфрида, с такой

массой неожиданных оттенков, что я пожалел, что Вы его не слышали на этот раз».²⁴

Царское Село (с примыкавшим к нему Павловском) было «городом парков и зал», как написала Ахматова в «Царскосельской оде», отчасти построенной на перекличке со стихотворением «Там на портретах строги лица...». Вообще «Ода» вобрала в себя многое из того, что было «в роковой шкатулке» – «в кипарисном ларце»,²⁵ в результате чего получилась страшноватая изнанка царскосельской жизни.

Ахматовой также принадлежат слова об «озверелых царскоселях», травивших Гумилева за декадентские стихи: «В этом страшном месте все, что было выше какого-то уровня, – подлежало уничтожению».²⁶ Р. Д. Тименчик, иллюстрируя это утверждение, цитирует фрагмент из газетного фельетона «Царица-скука», посвященного Царскому Селу, названному в тексте Калачевым. Под псевдонимом автора – Пересмешник, по его мнению, скорее всего, скрывается редактор литературного отдела газеты «Царскосельское дело» П. М. Загуляев.²⁷ Пересмешник, критикуя многое в провинциальном городке Калачеве, не обходит и современных калачевских поэтов. Он называет новую поэзию «извращенской»: «Завелись разные сверхпоэты, воспевающие в, с позволения сказать, стихах все аномалии, всякую гадость. Не остался чужд новому движению и Калачев. Среди его граждан нашелся тоже гениальный “поэт”. Это был молодой человек, очень неприятной наружности и косноязычный, недавно окончивший местную гимназию, где, одно время, высшее начальство самолично пописывало стихи с сильным привкусом декадентщины» (Царскосельское дело. 1908. 4 апреля. № 2. С. 2–3). Это «высшее начальство», естественно, Анненский. Интересно, что за два года до того Загуляев публиковался вместе с Анненским и Гумилевым в царскосельском сборнике «Северная речь», на который была дана подробная рецензия в другой газете – «Царскосельская жизнь» (1906. 18 августа. № 1. С. 4): рецензент М.²⁸ в тексте «Писатели-царскоселы» корил авторов сборника за то, что они не отозвались на «жгучие вопросы современности», хвалил рассказ и стихи Кривица, ругал драму Загуляева и стихи Гумилева и т. д. Драма Анненского «Лаодамия», по мнению М., – «недурная вещь». «Сюжет последней заимствован из жизни древнегреческого мира, духом и настроением которой автору удалось вполне проникнуться, к сожалению,

большой публикой такие произведения читаются неохотно. “К чему воскрешать мертвую древность, когда текущая жизнь представляет столько захватывающего интереса”, – говорят обыкновенно об них, и эта точка зрения имеет свои основания».

Оценка драмы тонкостью не отличается, но кадетская газета относилась к Анненскому весьма уважительно и благожелательно. В бытность «Царскосельской речью», она посвятила ему публикацию под названием «Адрес»:

«9 апреля группа учащихся в Царскосельской гимназии обратилась с сочувственным адресом к И. Ф. Анненскому, недавно оставившему пост директора этой гимназии. В ответ на прочитанный адрес И. Ф. произнес речь, в которой главную роль в предстоящем обновлении нашей средней школы приписал освободительному движению. Последнее получит свое завершение в имеющей на днях собраться Государственной Думе, созыву которой, по словам Анненского, должны одинаково радоваться и “победители”, и “побежденные”, на этот раз собравшиеся у него вместе.

Депутация состояла из Ю. М. Антоновского, И. Н. Коковцева, В. И. Маркелова и Д. И. Рихтера.

Адрес, покрытый более чем 118 подписями, подан в изящной с серебряною доскою папке и гласит следующее:

“Глубокоуважаемый Иннокентий Федорович.

За девять лет вашей деятельности как директора Царскосельской мужской гимназии Вы снискали наше к Вам глубокое уважение.

Мы, родители учащихся в гимназии юношей, несмотря на различие среди нас воззрений на общественную сторону преподавания в средних школах, сошлись в одном: все мы одинаково ценим то гуманное начало, которое Вы всегда вносили в дело воспитания. Отдавая наших сыновей в находившуюся под Вашим руководством гимназию, все мы были уверены, что в стенах учебного заведения их встретит участливое к ним отношение с Вашей стороны, а потому естественно, как всех нас огорчает неожиданный уход Ваш.

Прощаясь с Вами, Иннокентий Федорович, мы не можем не изъяснить Вам нашей глубокой благодарности”» (1906. 22 апреля. № 1. С. 2).²⁹

В той же газете от 7 июля 1906 года (№ 12. С. 3) было напечатано в простонародно-архаическом стиле письмо под названием

«Служителя и Мор», в котором жители Царского Села обличали нового директора Я. Г. Мора и зывали к прежнему директору: «...где же наш дорогой Иннокентий Федорович г. Анненский наш отец родной будь ты за нас защитник и заступник навсегда». ³⁰

В единственном номере наследницы «Царскосельской речи» – в газете «Пригородная жизнь» за 27 ноября 1906 года (№ 1. С. 3) в публикации «Зарвавшийся администратор» Анненский был вновь упомянут как прогрессивный, достойный представитель российского общества: «Председатель Царскосельской уездной земской управы В. А. Ветвеницкий, исполняя постановление уездного земского собрания, поднял вопрос об организации в г. Царском Селе и уезде вечерних народно-просветительских курсов. 8-го ноября в помещении уездной управы им было созвано совещание из преподавателей местных учебных заведений и сведущих лиц для обсуждения предполагаемого дела. <...> Совещание отнеслось к предложению <...> крайне сочувственно и наметило в качестве председателя предполагаемой комиссии окружного инспектора Мин<истерства> нар<одного> пр<освещения> И. Ф. Анненского, а в качестве ее членов нескольких преподавателей. Все присутствовавшие не сомневались в успехе предприятия, так как потребность во внешкольном образовании давно уже наблюдалась в городе и уезде. Никто, конечно, не думал, что организуемое культурное и чисто просветительное дело может встретить какие-либо препятствия. Но... в переживаемое время все возможно. Царскосельская полиция усмотрела в совещании <...> незаконное сборище, а в устройстве чтений небывалую крамолу; по начальству полетели доносы; председатель управ имел неприятное объяснение с полицмейстером... и, надо думать, симпатичное предприятие не осуществится...». ³¹

А «Царскосельское дело» по-прежнему критиковало Анненского в числе других новых поэтов. Загуляев, не скрываясь за псевдонимом, в фельетоне «На санитарно-литературную тему» писал: «Эпидемия декадентства проникла к нам, и в нашем милом, тихом городке образовалось гнездо декадентства. Правда, очаг пока небольшой и декадентики в нем орудуют захудалые, но все же они успели “выпустить” (лучше бы было, пожалуй, сказать – *испустить*) на свет одну книжонку. Книжонка жалкая и тощая, в осьмушку листа и в 37 страниц ровным счетом, но вот что страшно – на обложке книжки значится:

Ежемесячный журнал стихов». Дальше разносу были подвергнуты Н. Гумилев, М. Кузмин, П. Потемкин и др., а в конце – в более щадящем варианте, без указания имени, по-видимому, Анненский: «Знал я одного поэта, тоже царскосела, который писал и печатал хорошие стихи (иные даже более чем хорошие), а потом спознался с нашими декадентами и пропал ни за понюх табаку. Пишет теперь ахиною страшную. А мог бы не маленьким поэтом стать. Жаль человека!» (25 сентября 1909 г. № 39. С. 2–3).³² Речь идет о журнале «Остров», в котором были напечатаны стихи Анненского «То было на Валлен-Коски» и «Шарики детские».

Надо сказать, что и «Царскосельское дело» не всегда упоминало Анненского в отрицательном контексте, а лишь когда о нем говорилось как о поэте. В остальных своих ипостасях Анненский газету устраивал. Так, 2 января 1909 года (№ 1. С. 1–2) в публикации под заголовком «Акт в школе Левицкой», в которой рассказывалось о состоявшемся 21 декабря 1908 года первом выпускном акте в экспериментальной школе, где впервые в России практиковалось совместное обучение девочек и мальчиков, сообщалось: «...окружной инспектор и председатель организационного совета школы И. Ф. Анненский в мастерски произнесенной речи говорил о системе и принципах, принятых в школе и схожих во многом с французской *école normale*.³³ “С благоговейным чувством благодарности, – сказал И. Ф. в конце своей речи, – должны мы вспомнить в этот день нашего Монарха, благодаря Высочайшим повелениям коего могла устроиться наша школа”».³⁴

Анненский всегда поддерживал начинание Левицкой.³⁵ 22 мая 1909 года в «Царскосельском деле» (№ 21) появился подробный отчет о другом мероприятии в ее учреждении, на котором он присутствовал, хотя и не был упомянут. Приведу этот важный для нас материал (пояснения позднее): «Гимнастический праздник. 17-го мая в кругу Царскосельского ипподрома состоялся гимнастический праздник школы Левицкой. Школа публично, перед всеми давала отчет о том, как поставлено в ней дело физического воспитания детей, и, надо признаться, – отчет был блестящий. Мы так привыкли, что наши учебные заведения пренебрегают совершенно физической стороной воспитания детей, что наши школьники и школьницы выглядят заморышами, что они неловки и малоподвижны, и бодрые и сильные ученики школы Левицкой являются для нас непривычным зрелищем,

а их гимнастические упражнения поражают нас. Праздник удался на славу. Погода стояла чудная, площадка перед трибуною, покрытая только что поднявшейся травой, казалась изумрудной, и на ней, под яркими лучами наконец-то согревшего нас солнца, красивыми нитями играли белые рубашки, синие юбки и алые шапочки воспитанников. Трибуна была полна. Сюда собрались как родители, дети которых выступали на празднике, так и все, интересующиеся новою школою, новою, не применявшеюся до сих пор в России системою. Приехали даже из Петербурга, приехали несколько “Соколов”.³⁶ <...>

Программа гимнастических упражнений была такова: 1. Выступление гимнастического хора; 2. Упражнение с палками мальчиков и девочек совместно (под музыку 3-го Сокольского слета в Праге); 3. Упражнения на снарядах <...> 8. Хоровод девочек с обручами, разукрашенными лентами (под музыку Сокольского слета в Моравии 1908 г.) <...> В особенности хорошо исполняли свои номера Е. Хоментовская, Аренс и М. Тупаньская <...> Публика громко зааплодировала участникам, а в конце праздника устроила овацию учителю гимнастики, достигшему столь больших результатов. Много комплиментов было сказано и по адресу Е. С. Левицкой, и много благодарностей пришлось ей выслушать. Публика разъезжалась довольная <...> Скажем спасибо и мы и пожелаем всякого успеха хорошему делу, начатому Е. С. Левицкой. Глядя на питомцев ее школы, невольно думается: да, из этих будет толк, с этими людьми неврастении делать нечего. П. З.». Подпись «П. З.» наверняка означает «Павел Загуляев».

А 4 декабря 1909 года «Царскосельское дело» (№ 49) напечатало два некролога. «И. Ф. Анненский» (С. 2–3): «30 ноября, в 7 час. 35 м. веч<ера>, в Петербурге, подъезжая к Царскосельскому вокзалу на извозчике, внезапно скончался Иннокентий Федорович Анненский. Он почувствовал дурноту, упал и сейчас же умер от паралича сердца. Затем был отправлен в Обуховскую больницу, а оттуда на последнем поезде в тот же день перевезен в Царское Село, где имел постоянное жительство. Покойный родился 29 августа 1855 г., т. е. ему было всего 54 года. По окончании Сиб<ирского> университета он получил звание кандидата и право преподавания древних языков, а 25 августа 1879 г. был назначен преподавателем в гимназию Бычкова. Затем 18 января 1891 г. состоялось его назначение директором

коллегии Павла Галагана в Киеве, а в 1893 г. 27 октября он был переведен директором в С<анкт>П<етер>б<ургскую> 8 гимназию. С 1895 г. по 1901 г. состоял в должности члена педагогического совета С<анкт>П<етер>б<ургской> Покровской женской гимназии. В 1896 г. был произведен в действ<ительные> ст<атские> сов<етники> и в том же году 16 октября был назначен директором Царскосельской Николаевской гимназии, пробыв в этой должности около 10 лет. Кроме того, с 19 октября 1898 г. он состоял членом Ученого комитета. 1 января 1906 г. И. Ф. был назначен окружным инспектором СПб. учебного округа...». В тексте не сказано, что он был поэтом, переводчиком, автором филологических трудов. В другом некрологе – «Кончина И. Ф. Анненского» (С. 1–2) – говорится: он «пользовался широкой известностью как педагог и писатель, а колоссальный труд его – полный стихотворный перевод Еврипида – известен и в Европе <...> им было написано несколько оригинальных стихотворных трагедий, в основу которых был положен античный миф», но о стихах тоже ни слова.

В «Царскосельском деле» от 11 декабря 1909 года (№ 50. С. 2) было помещено сообщение: «Похороны И. Ф. Анненского состоялись 4 декабря. К 10 часам утра в квартире покойного собрались все, желавшие отдать ему последний долг. Не только квартира, но и двор, и грань улицы были заняты толпой, среди которой было много учащейся молодежи, в особенности женской, т. к. проводить покойного до места последнего упокоения приехали из Петербурга слушательницы женских курсов Раева, на которых И<ннокентий> Ф<едорович> читал лекции. Согласно желанию, выраженному начальством и учащимися Николаевской гимназии, где И<ннокентий> Ф<едорович> долго был директором, тело было перевезено в гимназическую церковь, где была отслужена заупокойная литургия и совершено отпевание. Из церкви процессия проследовала на Казанское кладбище мимо квартиры покойного, где была отслужена лития. Масса собравшейся публики, среди которой виднелись и парадные мундиры высших чинов, и форменные одежды учащихся, и даже простые армяки и тулупы, а также целая гора венков, для которых не нашлось даже достаточно места в церкви, свидетельствовали о популярности, которой пользовался покойный И<ннокентий> Ф<едорович>. Гимназисты разобрали венки и понесли их перед траурной

колесницей – составила длинная и внушительная процессия. Среди венков особенно выделялся серебряный венок от Николаевской гимназии на синей бархатной с серебром доске».³⁷

А 18 декабря 1909 года в газете (№ 51. С. 3) появились неожиданные сведения в неожиданном контексте: «Ц^{арско}с^{ельское} просветительное общество “Луч” устраивало в воскресенье 13 декабря кинематографические представления постоянного кинематографического общества “The Regal Ray” – новая постановка СПб. театра “The Royal Star”. В зале ратуши состоялись три сеанса, с 3 час. дня для детей, с 5 час. дня для учащихся в среднеучебных заведениях и с 8 ½ час. веч^{ера} для публики. Из картин отмечаем следующие. Очень интересна картина “В царстве пернатых с натуры” – синематография бр. Патэ <...> Комична “Близорукий охотник”, стрелявший во всех, даже и в дамские шляпы! <...> Далее с большим вниманием смотрелись картины: “Смотр ученью матросов в Ц^{арском} С^{еле} у Б^{ольшого} дворца”, “Закладка храма для конвоя” и “Праздник в школе г-жи Левицкой – 17 мая 1909 г.”, где мы видели соколиную гимнастику школы, а также разезд публики, среди которой узнавали многих: г-жу Левицкую, ген^{ерала} Султан-Крым-Гирей, чл^{ена} Гос. Думы И. С. Клюжева, Р. Тотд, ныне покойного И. Ф. Анненского, полк^{овника} Воейкова и др. <...> В антракте слушали Велико-русский оркестр о^{бщест}ва под управлением Н. М. Варфоломеева, сыгравший очень музыкально удалой “Франко-русский марш” – любимый мотив публики, “Воспоминание о Гатчине” и др. След^{ую}щее представление в воскресенье 20 декабря (см. афиши и объявление)». Заметка подписана «В. Эн.».³⁸

Здесь интересен контекст: даже умерший, Анненский оказывается в гуще самой что ни на есть «местной жизни». Но интереснее и важнее всего то, что существовали кинокадры, на которых он был запечатлен. Возможно, они сохранились, тогда «картину» можно отыскать по подробному газетному описанию «Гимнастического праздника».

А закончить хотелось бы более ранней публикацией. В «Царскосельском деле» от 18 сентября 1909 года (№ 38. С. 2) была напечатана короткая заметка: «Северное сияние. Вечером, 12-го сентября, начиная с 7 ч., в Царском Селе было отчетливо видно северное сияние. Оно, то ослабевая, то усиливаясь в своем блеске, продолжалось

до 11-го часа. Отдельные “сполохи”, появляясь с северной стороны и, постепенно удаляясь, захватывали большое пространство неба, затем опять исчезали, чтобы через некоторое время снова появиться». Есть основания думать, что Анненский 12 сентября находился в Царском Селе: ближайшие к этой дате письма – от 6-го и 15-го сентября – написаны именно там. В таком случае можно позволить себе допущение, что Анненский, всегда столь внимательный к небесным явлениям, описывавший их в своих стихах и письмах, видел это сияние. А если и не видел, оно над Царским Селом было.

¹ Благодарю Р. Д. Тименчика, в 2009 г. подсказавшего мне идею ознакомиться с дореволюционной царскосельской прессой.

² Подробнее о царскосельских газетах см.: *Большакова Л. З.* Дворцовый город Царское Село во второй половине XIX–начале XX вв.: особенности управления и городское хозяйство: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2014. С. 28–33 и др.

³ Орфография и пунктуация текстов приближены к современным нормам.

⁴ *Анненский И. Ф.* Письма. В 2 т. Т. 1. СПб, 2007. С. 369. Письмо Анненского Е. М. и А. А. Мухиным от 16 сентября 1904 г. из Ялты.

⁵ *Анненский И.* Пушкин и Царское Село // Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 306.

⁶ Из магнитофонной записи разговора в доме И. Д. Рожанского и Н. В. Кинд (май 1965). Неопубликованная расшифровка этой записи подарена мне второй женой И. Д. Рожанского Ю. М. Живовой.

⁷ Возможно, в памяти Ахматовой произошла контаминация двух событий: речи Анненского в Китайском театре 27 мая 1899 г., на следующий день после торжественной закладки памятника, и открытия памятника 15 октября 1900 г. Во всяком случае, в подробном описании открытия памятника в «Историческом вестнике» о речи Анненского ничего не сообщается: «...15 октября было назначено открытие. Вокруг постаменту разбит был газон из живых цветов. К памятнику устроен крытый вход, украшенный флагами и щитами, от входа по обе стороны из тяжелой материи и бархата сделаны шесть лож, дальше – крытые площадки, а за ними высокие помосты. За памятником находился хор из гимназистов и воспитанников городских училищ, а дальше расположился оркестр. К двум часам, – времени, назначенному для молебствия и освящения памятника, – прибыли и поместились в ложе: великая княгиня Елисавета Маврикиевна с августейшими детьми, князьями Иоанном и Гавриилом Константиновичами и ее высочеством княжной Татьяной Константиновной, сын покойного поэта генерал А. А. Пушкин и внук, поручик лейб-гвардии 2-го стрелкового батальона Г. А. Пушкин, дочь жены Пушкина г-жа Арапова, Л. Н. Павлищев, обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев <...> чины дворцового управления и депутация от Лицея. Молебен совершал протоиерей царскосельского Екатерининского собора о. А. Беляев в сослужении восьми протоиереев и священников и трех дьяконов. Перед началом богослужения о. А. Беляев сказал небольшую, но изящную речь. <...> После провозглашения многолетия царствующему дому и вечной памяти рабу Божию

Александрю завеса, скрывавшая памятник, упала при звуках гимна. <...> Под звуки оркестра к подножию памятника возложили венок из живых цветов князя Иоанн и Гавриил Константиновичи, второй венок возложил Д. Ф. Кобеко, сказавший при этом небольшую речь, затем пошли многочисленные делегации от Лицея, царскосельских мужской и женской гимназий, училищ и приютов. Воспитанники проходили парами мимо памятника, возлагая каждая венок, и таким образом весь постамент был засыпан живыми цветами. Около 3 часов церемония кончилась» (Памятник Пушкину в Царском Селе // Исторический вестник: Историко-литературный журнал. Т. 82. СПб., декабрь 1900. С. 1164–1165). Речь Анненского в Китайском театре Ахматова вспоминала в беседе с М. В. Ардовым: «Я помню, как он это говорил» (*Ардов М.* Легендарная Ордынка // Адов М., Ардов Б., Баталов А. Легендарная Ордынка. Сб. воспоминаний. СПб., 1995. С. 42).

⁸ *Анненский И. Ф.* Письма. Т. 2. С. 18–19.

⁹ Это не опечатка: г. Кремер и г. Крейзер – разные персонажи.

¹⁰ Письмо адресовано Н. П. Бегичевой. См.: *Анненский И. Ф.* Письма. Т. 2. С. 158.

¹¹ См. статью А. Л. Топоркова «Из мифологии русского символизма: Городское освещение» (Блоковский сборник. Т. V. Тарту, 1985. Уч. зап. Тартуского университета. Вып. 657. С. 101–112). Благодарю Г. М. Пономареву за указание на этот источник и на рассказ Н. Г. Гарина-Михайловского (см. примеч. 16).

¹² *Анненский И. Ф.* Письма. Т. 2. С. 181. Комментируя этот фрагмент письма, авторы книги об Анненском в Царском Селе сообщают, что дом, где жил поэт, «стоял близко от границы участка Эберманов, отмеченной металлической (и ныне существующей) оградой вдоль освещенного электрическими фонарями шоссе» (*Корнилова Н. А., Мощеникова М. А.* Иннокентий Анненский в Царском Селе. СПб., 2015. С. 133–134).

¹³ Есть и исключения. Напр.: «Если тошен луч фонарный / На скользоте топора» («То и Это» в «Трилистнике кошмарном»).

¹⁴ Ср. в письме А. В. Бородиной от 29 ноября 1899 г.: «Знаете, на деревьях совсем не видно черноты: ветки стали толстые и искристые от инея; – свет голубых электрических звезд среди причудливых серебряных кораллов дает минутами волшебное впечатление» (*Анненский И. Ф.* Письма. Т. 1. С. 237).

¹⁵ Об этом см. в статье: *Налегач Н. В.* Микроцикл И. Анненского «Август» как неомифологический текст // Диалог культур. 4. Сборник материалов IV межвузовской конференции молодых ученых (май 2001). Барнаул, 2002.

¹⁶ О путешествиях по железной дороге между Петербургом и Царским Селом и особенностях путешествующей публики см. в рассказе Н. Г. Гарина-Михайловского «Дела. Наброски карандашом», впервые опубликованном в 1897 г. (Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч. В 5 т. Т. 4. М., 1958. С. 77–88).

¹⁷ Осташи – сапоги.

¹⁸ Напр.: «Домашний любительский спектакль в среду 22 апреля прошел с большим интересом и привлек в зал ратуши массу гостей, исключительно по приглашительным билетам с бесплатным входом. Сумма, собранная с продажи программ, шампанского и т. д., поступила в пользу Царскосельской общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста. Спектакль начался в 9 час. веч. сценкой с натуры в 1 д<с>йствии» «В тихом уголку», сочинения В. А. Мазуркевича, в которой приняли участие: m-ше И. Ф. Пешкова, г. В. В. Сахаров, В. И. Анненский и В. С. Шимера.

Далее шла комедия в 3 д<ействиях> С. О. Разсохина «Светящийся жучок», переделка для русской сцены Викторина Сарду. В ней участвовали: фрейлина Их Величеств m-lle С. В. Дедюлина, г-жа Н. Н. Шевич, m-lles: Н. Я. и О. Я. Колзаковы, А. И. Бибикова и А. Вуич, а также гг.: Б. А. Кушелев, В. В. Сахаров, фл<игель>-ад<ъютант> А. Н. Линевиц, К. Я. Колзаков, В. П. Энден, В. С. Шимера и В. И. Анненский. Как первая сценка, так и вторая – комедии были разыграны очень талантливо; очевидно, все участвующие приложили много труда во время репетиций, почему безукоризненно исполнили свои роли, о чем свидетельствовали единодушные вызовы после каждого действия. В антрактах играл оркестр л<ейб>-гв<ардии> IV Стр<елкового> Императорской Фам<илии> батальона. Спектакль закончился во 2 часу ночи, и с экстренным поездом с Царского павильона уехали петербургские гости, оставшиеся вполне довольны таким блестящим спектаклем» (Царкосельское дело. 1909. 1 мая. № 18. С. 4).

¹⁹ Можно предположить, что под псевдонимом «Алеко» скрыл свое имя Александр Иосифович Гидони (1885–1943?) – искусствовед, художественный критик, драматург, прозаик. В это время он жил в Петербурге. Об использовании им (наряду с несколькими другими литераторами) псевдонима «Алеко» сообщается в изд.: Масапов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. Т. 1. М., 1956. С. 92. Есть также некоторая вероятность, что «Алеко» – А. И. Куприн. Во время уже известного писателя, он продолжал заниматься журналистикой. В годы сотрудничества с газетой «Жизнь Царкосельского уезда» (выходила в 1913–1914 гг.), живя в Гатчине, Куприн критиковал «Царкосельское дело» (см.: Новосельский Ю. Страницы истории: Публицист Царкосельского уезда // Царкосельская газета. 2003. 21 ноября. № 52), что не исключает, однако, возможность сотрудничества с этим изданием в предшествующие годы. Известно, что в ранний период творчества в Киеве Куприн широко использовал для публикаций в периодике псевдонимы, в числе которых были «Алеко» и «А. К.», встречающиеся и в «Царкосельском деле» (так, под инициалами «А. К.» в № 2 за 4 апреля 1908 г. опубликована рецензия на спектакль). Под псевдонимом «А. К.» (прикрывавшим, согласно словарю Масапова, имена и многих других литераторов) в октябре 1907 г. Куприн опубликовал рецензию на книгу П. Пильского «Рассказы» в журнале «Современный мир» (№ 10, отд. II) (см. «Хронику жизни и творчества А. И. Куприна» (Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна 1907–1938. Минск, 1987. С. 282).

²⁰ Впервые на эту рецензию обратил внимание А. И. Червяков (Анненский И. Ф. Письма. Т. 2. С. 37).

²¹ Бегичева О. С. Биографическая заметка о Ин. Фед. Анненском и Н. П. Бегичевой // Иннокентий Анненский глазами современников. СПб., 2011. С. 152.

²² Ср. с утверждением: «Концерт мог бы происходить в здании Павловского вокзала, но сцена, изображаемая поэтом, помещается в пространство парка» (Островская Е. С. Париж: городской текст и подтекст «Трилистника толпы» И. Анненского // XVIII Лотмановские чтения. Россия и Франция: XVIII–XX вв. Вып. 1. М., 2013. С. 281). Думается, что аллея Павловска или, скорее, Царского Села (в связи с обнародованной рецензией) как место переживания только что полученных музыкальных впечатлений – версия правдоподобная.

²³ Эмская – по-видимому, Мария Александровна Эмская (?–1925), известная певица (сопрано), в репертуаре которой были романсы, патриотические песни, оперные

арии, шансонетки. О ней, похороненной в Петербурге на Никольском кладбище Александр-Невской лавры, см. на сайте лавры: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lavtraspb.ru/ru/nekropol/view/item/id/391/catid/3> Возможно, Эмской принадлежат и некоторые публикации под псевдонимом М. (например, о павловском концерте, сопровождавшемся скандалом: несколько музыкантов оркестра «не явились на эстраду» (Царскосельское дело. 1907. 27 июля. № 20).

²⁴ Анненский И. Ф. Письма. Т. 2. С. 149.

²⁵ Об этом: Рубинчик О. Е. «Если бы я была живописцем...». Изобразительное искусство в творческой мастерской Анны Ахматовой. СПб., 2010. С. 61–62.

²⁶ Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский и Николай Гумилев // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 274.

²⁷ Загуляев Павел Михайлович – прозаик и журналист, первый редактор-издатель «Царскосельского дела» (до 12-го номера за 1906 г.), секретарь Комитета Царскосельского отдела «Союза 17 октября». Подробнее о нем – в материале «Неизвестное письмо И. Ф. Анненского» в цифровом собрании «Мир Иннокентия Анненского», созданном М. А. Выграненко. [Электронный ресурс]. URL: http://annensky.lib.ru/notes/lucas_v_l/lukas_v_l.htm

Полагаю, что под именем «Пересмешник» мог напечатать фельетон и другой автор – А. Н. Будищев, единственный, кто указан как обладатель этого псевдонима в словаре Масанова (Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. С. 357). Беллетрист, журналист, поэт Алексей Николаевич Будищев (1867–1816) не чурался провинциальной прессы, сотрудничал, например, с выходившей в Гатчине газетой «Жизнь Царскосельского уезда» (об этом: Новосельский Ю. Страницы истории.). Загуляев, живший в Павловске (его адрес многократно указывался в «Царскосельском деле»), в сатирическом тексте о декадентах «На санитарно-литературную тему» называет Царское Село «наш городок», Пересмешник же в названном фельетоне пишет о Калачеве и калачевцах хотя и с большим знанием дела, но отчужденно. Ср. также перечень сотрудников «Царскосельского дела» на 1909 г., где названы и Загуляев, и Пересмешник: «В газете принимают участие: пр. В. Н. Латкин, приват-доцент Грибовский, пр.-доц. Григорьев, И. Н. Коковцев, П. М. Загуляев, К. Олехнович, З. Павловский, Пересмешник, В. В. Навроцкий и мн. др.» (Царскосельское дело. 12 декабря 1909. № 38. С. 1).

²⁸ Предположительно, Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918), упоминаемый в словаре Масанова среди многочисленных авторов, пользовавшихся псевдонимом М. (Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. С. 136). Известный литератор националистического толка жил тогда в Царском Селе. Хотя в 1900-е – 1910-е гг. он в основном писал для газеты А. С. Суворина «Новое время», вполне возможно, что в 1906 г. он печатался и в кадетской «Царскосельской жизни»: «...Для него была характерна частая смена взглядов. В 1906 г. во время революционного подъема Меньшиков доказывал, что только либеральная кадетская партия принесет России спасение, а через год сделался ее ярким противником» (Иванов А., Санькова С. Михаил Осипович Меньшиков. Хронос. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/menshik_mo.php). О Меньшикове как о «недруге» Анненского, с которым, однако, ему приходилось соприкасаться, см.: Тименчик Р. Д. Неизвестное стихотворение Гумилева // Тименчик Р. Д. Что вдум. Статьи о русской литературе прошлого века. М.; Иерусалим, 2008. С. 316–317, 319.

²⁹ Текст публикации частично воспроизведен, см.: *Анненский И. Ф. Письма*. Т. 2. С. 3.

³⁰ Фрагмент обнаружен в электронной публикации К. И. Финкельштейна «Поэты Царскосельской Николаевской гимназии». [Электронный ресурс]. URL: <http://annensky.lib.ru/names/finkelshteyn/fink1.htm>

³¹ 17 ноября 1906 г. о том же совещании, но в мажорной тональности, без предложения, что «симпатичное мероприятие не осуществится», писала газета «Царскосельское дело» (№ 10. С. 3).

³² Фрагмент цитировался: Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1981. Л., 1983. С. 62.

³³ Левицкая ориентировалась, прежде всего, на английский опыт преподавания (школа Дж. Бэдли), но учитывала и другие европейские образовательные модели. Подробно о системе обучения и воспитания в ее школе см. в изд.: *Школа Левицкой*. (1900–1911). СПб., 1911. В июне 1907 г. школа Левицкой была приравнена к гимназии, то есть к среднему учебному заведению, окончание которого давало возможность получить высшее образование. Согласно словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, «нормальные школы (ecoles normales, normal schools) – в широком смысле слова всякого рода образцовые учебные заведения <...> В частности, «нормальными» школами во Франции, Бельгии и других романских государствах, а также в Соединенных Штатах Северной Америки называются те учебные заведения, которые имеют своей задачей выпускать педагогический персонал, соответствующий нашим семинариям и институтам...» (Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон 1890 г. Т. 41. М., 1992. С. 369). Во Франции до начала 1990-х гг. существовало два типа нормальных школ: начальные, готовящие учителей начальных школ, и высшие, предназначенные для подготовки преподавателей средних учебных заведений; впоследствии начальные нормальные школы были ликвидированы.

³⁴ Фрагмент процитирован в изд.: *Анненский И. Ф. Письма*. Т. 1. С. 330. Там же воспроизведены заключительные слова выступления Анненского. См. также: *Орлов В.* Краткий очерк возникновения и развития Школы // *Школа Левицкой*. С. 16.

³⁵ Подробно об этом в изд.: *Анненский И. Ф. Письма*. Т. 1. С. 325–330.

³⁶ Сокольское движение – молодежное спортивное движение, вдохновленное идеями национализма и панславизма. Возникло в 1862 г. в Праге («Пражский сокол»), а затем распространилось по Европе. В России появилось в начале XX в. благодаря чешским преподавателям гимнастики. В 1908 г. в Петербурге был основан сокольский центр (см.: Правила и наказания гимнастического общества «Сокол в Санкт-Петербурге»). СПб., 1913). В проспекте «Школа Левицкой» сообщается: «С 1907 года в Школе введена сокольская гимнастическая система доктора Тырша. Построенная на широких началах и по возможности правильно примененная к школьному возрасту, она стремится к гармоническому развитию тела, способствует равномерному укреплению всего организма и вырабатывает умение преодолевать препятствия, встречающиеся в природе» (цит. по материалам сайта К. И. Финкельштейна «Царское Село на рубеже XIX–XX веков». [Электронный ресурс]. URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Shkola_levits5.htm).

³⁷ Публикация впервые была выявлена А. В. Орловым, фрагмент из нее приведен в изд.: *Федоров А.* Иннокентий Анненский: Личность и творчество. Л., 1984. С. 57.

³⁸ В том же номере газеты подпись «В. Эн.» стоит и под рецензией на спектакль. «В. Эн.» – возможно, член-учредитель Царскосельского музыкального общества Владимир Навроцкий (так подписано его письмо в редакцию в № 2 от 4 апреля 1908 г.), один из учредителей Царскосельского автомобильно-спортивного общества. Владимир Владимирович Навроцкий – секретарь Комитета Царскосельского отдела «Союза 17 октября», сотрудник, одно время редактор «Царскосельского дела».